

Виталий Куренной

Политический и аполитический национализм

(Куренной В. Политический и аполитический национализм // Логос. 2007. № 1 (58). С. 138-155.)

В этой заметке я хотел бы затронуть ряд вопросов, связанных с продолжением дискуссии о национализме. Однако свой тезис об избыточности риторики национализма в текущей российской политической ситуации¹ я, однако, попробую переформулировать иначе — с несколько более общих позиций, а также с учетом некоторых высказанных участниками дискуссии соображений (отмечая расхождения и не останавливаясь специально на

¹ В «Заметках о русском национализме» (Логос. 2006. № 2 (56). С. 149-159), все сказанное мной относилось, во-первых, именно к теме русского национализма, во-вторых, именно в контексте *сегодняшнего* политического контекста обсуждения этой темы в России (на этот счет, мне казалось, в тексте было сделано достаточно оговорок). Поэтому заключение Б. Капустина относительно представленной в «Заметках» позиции: «один из обликов, который *ситуативно* принимает национализм, отождествляется с национализмом вообще», — является некорректным: речь шла именно о контекстуально понимаемом национализме. Кроме того, я не вижу большого резона в избранной Б. Капустиным стратегии критики в свой адрес: любое утверждение нетрудно уличить в том, что оно нечто «цензурирует», поскольку, говоря словами Спинозы, «*omnis determinatio est negatio*» (всякое определение есть отрицание).

согласии в позициях). Схематичная форма изложения продиктована в данном случае попыткой более комплексным образом очертить характер проблемы.

1. Набор понятий, с помощью которых мы описываем национальные проблемы, имеет историю, далеко выходящую за пределы ее современной семантики. Игнорирование этой особенности, стирание соответствующих семантических различий, является источником заблуждений при интерпретации проблемы национализма.

1.1. Досовременную семантику понятий, использующихся также в современном националистическом лексиконе, можно упорядочить в соответствии с двумя типами отношений: 1) внешний-внутренний (т.е. между сообществом и другими сообществами); 2) верх-низ (господствующие и те, над кем господствуют)². Два эти типа отношений (обозначим их как экстернальный и интернальный) имеют политический характер, связаны с системой присвоения и распределения власти. В экстернальном модусе речь идет о притязании на какой-то тип автономии некоторой социальной общности, во втором случае — для очерчивания в пределах этой общности

² Типология Райнхарта Козеллека.

группы, имеющей доступ к участию во власти. Современное использование такого рода понятий в политическом смысле принципиально отличается от досовременного в силу того, что экстернальный смысл оформляется в виде *права наций на самоопределение*, а интернальный — в виде *национального суверенитета*. Наибольшая путаница возникает при этом с интернальным семантическим аспектом этих понятий. Само по себе использование понятия «нация» в досовременном политическом языке еще не говорит о наличии в это время национализма в современном смысле слова. В частности, когда Б. Капустин приводит в пример спор между левеллерами и грандами в качестве иллюстрации того, как «абстрактная» идея «народа» становится «конкретно-историческим всеобщим», «современной» политической «нацией», содержание этого спора, с представляемой здесь позиции, все же не является эпизодом истории современного политического национализма³. Речь идет лишь об одном из досовременных эпизодов в истории

³ Расхождение с которым в данном вопросе можно сформулировать и как расхождение в периодизации: на мой взгляд, общество модерна возникает в период Французской революции *или* позже, тогда как Б. Капустин возводит модерн к более раннему периоду Английской революции.

борьбы за ту или иную форму очерчивания социальной группы, претендующей на право участия в политическом управлении (и, разумеется, обосновывающей это право также и своей способностью заботиться об «общем благе»). То, что вкладывается здесь Б. Капустиным в понятие «нации (более широкое у левеллеров, более узкое у грандов), означает проведение границы между теми, кто может состязаться за власть, и теми, кто исключается из этого процесса⁴. Ровно таким же образом «демос» греческого полиса противопоставлялся рабам, метекам и чужакам, не совпадая, при этом с «этмосом» (под последним понималась родственная по языку и общности происхождения группа, границы которой не совпадали с политическими границами). Греческое выражение «демократия» или римская «республика» также указывают на то, что властью обладает «демос» или «популюс», объем которых, однако, никогда не был тождественен всему населению этих политических образований. Если, таким образом, использовать понятие «нации» лишь как

⁴ В русле предложенного Б. Капустиным анализа спора левеллеров и грандов, мне кажется, не трудно было бы показать, что, например, учредителем «современного» понятия нации является уже Марк Туллий Цицерон, сформулировавший положение «*res publica, res populi*» («государство — дело народа»).

современную лингвистическую форму для обозначения решаемой во всех досовременных обществах проблемы отграничения группы господствующих от группы подвластных, то, на мой взгляд, ускользает специфика современного политического национализма. Любое досовременное политическое образование также предполагало проведение в себе самом различия между арифметической суммой своих членов и группой, осуществляющей властные функции. Если теперь первую стали называть «народом», а вторую «нацией», то это представляет интерес как любопытный лингвистический факт, но и не более того.

2. Современное политическое значение националистические понятия в своем как экстермальном, так и интернальном аспекте приобретают (формально) вместе с Французской революцией. Реально — позднее, вместе с действительным, а не только декларативным введением всеобщего избирательного права, распространением «народного» (всеобщего) образования и целым рядом других процессов, в комплексе обозначаемых понятием «модерн». В военно-политической борьбе право нового суверена — нации — на самоопределение могло быть, в свою очередь, доказано только

путем массовой мобилизации⁵, что имело своей обратной стороной структурно иной — по сравнению с досовременным — тип политической легитимации власти (демократию). Прототип массовой армии возник как результат войн, последовавших за Французской революцией, но все же основным фактором оформления современного политического национализма являются мировые войны XX в. Сталинские «братья и сестры» являются советской формой выражения этой же демократизирующей тенденции. С этой точки зрения заслуживающим внимания представляется следующее суждение Майкла Манна: «Расширение политического гражданства и появление гражданства социального пришлось на период, захвативший все начало XX века. Именно в это время, и большей частью в Европе, зародились первые настоящие нации-государства. Другие возникли позднее;

⁵ «...в 1793 году на сцене появилась такая сила, о которой до той поры не имелось никакого представления. Война сразу стала делом народа <...> Благодаря участию в войне всего народа на чашах весов оказалось не одно правительство и его армия, а весь народ со всем присущим ему весом. Отныне уже не было определенных пределов ни для могущих найти применение средств, ни для напряжения сил; энергия ведения войны больше уже не находила себе противовеса, и потому опасность, грозившая противнику, возросла до крайности» (фон Клаузевиц К. О войне: В 2 т. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т. 2. С. 408).

особенно сильная и внезапная волна этих процессов прокатилась по всем континентам после 1945 года. На сегодняшний день существование даже старейших из таких государств не превысило продолжительности человеческой жизни; в большинстве же своем они куда более юны, а многие еще борются за право родиться»⁶. Поэтому «нация», о которой в своем примере из истории Великобритании говорит Б. Капустин, равно как и «people», провозглашающие конституцию США, исторически не являются феноменом специфически современным. Применительно к этому вопросу речь идет не о споре датировок, а, на мой взгляд, об ошибочном представлении, получающем самое непосредственное выражение в текущей российской политике (см. п. 7.1.).

3. Теоретически и практически продуктивно проводить различие между политическими и прочими аспектами проблемы национального. «Нация» в целом не поддается однозначному определению, тем не менее, можно определить некоторые из ее политических или, точнее, *политико-правовых* функций. Аспекты, связанные с формированием *социальных* идентичностей (например, конституирование «мы-групп», о

⁶ Манн М. Нации государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 384.

котором пишет в своей реплике О. Кильдюшов⁷) или вопросы исторического генезиса политических наций (на которые обращает внимание С. Сергеев) не относятся к собственно политическим вопросам. Неопределимость понятия нации в целом — во всех ее проявлениях — обрекает на неудачу все попытки дать ей сущностное определение. Это так же невозможно, как дать определение понятию «человек» или исчерпать идентификационный смысл «личности». Как и в последнем случае, открытый, недоопределенный и «субъективный» характер понятия нация или национальной самоидентификации уверенно схватывается на уровне здравого смысла. Однако «объективный», значимый публичный смысл понятия нации как специфического политического феномена современности может получить лишь в форме правового

⁷ Который, замечу, в своей «теоретической» попытке «концептуализации» проблем нации и национализма смог справиться с темой фактически без употребления понятий «нация» и «национализм». Видимо от внимания автора ускользнуло, что язык современных немецких социальных теоретиков в своих мейнстримных академических проявлениях является продуктом весьма серьезной процедуры денацификации, которая, замечу, недурно сказалась на послевоенной политической судьбе страны. То, чего не смог силой добиться Гитлер (существования немцев в едином политическом пространстве), возможно, конституционным образом добьется нынешняя Германия, но уже в качестве локомотива создания Евросоюза. И, замечу, для решения этой задачи националистический дискурс интеллектуалов совершенно не требуется.

определения — подобно тому, как неисчерпаемость «человека» или «личности» вполне сочетается с правовой фиксации публично значимых аспектов этих понятий (специфическая сложность в понятии нации, однако, заключается в том, что людьми мы формально становимся по факту рождения, а вот нация не имеет «естественного» происхождения, но должны доказывать его в политической борьбе (Г. Люббе)). Данная параллель продуктивна еще и в том отношении, что позволяет рассмотреть нынешний националистический дискурс в России как своеобразную метаморфозу бесконечных советских и ранних постсоветских дискуссий о том, что такое «личность». Примечательно, что они также фактически игнорировали институционально-правовой аспект этого понятия и так же не могли закончиться сколько-нибудь внятным результатом. А это верный признак того, что проблема поставлена неправильно.

4. Следуя предложенной семантической типологии, наследующей в качественно новом смысле традиционному экстеральному и интеральному способу употребления соответствующей группы понятий, в современном политическом национализме можно выделить два основных аспекта: внешний и внутренний (эту структуру воспроизводит и М. Ремизов). В первом случае национализм является *одним из способов* образования и признания субъектов международных отношений (суверенных

государств). Исторически существует множество субъектов международных отношений, возникших отнюдь не по шаблону провозглашения национального суверенитета. История разнообразней и *случайней*, чем отвлеченная схема, представление о нормальности которой основано лишь том, что западные страны имели возможность инструментального навязывания его в качестве образца для решения собственных политических задач. В частности, это позволило ликвидировать такие имперские образования как Австро-Венгрия и Османская империя. Этот же шаблон идеально подходил для легитимации политических продуктов распада СССР. Модель национального государства — это идеальная абстракция; границы подавляющего большинства государств никоим образом не повторяют границы этносов, трактуемых как естественный субстрат политических «наций»⁸. И хотя правовой принцип национального самоопределения оформляет в настоящее время международную систему отношений и

⁸ Это, кстати, прекрасно понимал и М. Вебер: «Общие политические судьбы, то есть, в первую очередь, бои не на жизнь, а на смерть, сплетаются в общности воспоминаний, который зачастую воздействуют сильнее, чем узы культуры, языка и общности происхождения. Именно они только и дают национальному сознанию последнюю решительную оценку» (*Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1922. S. 614. Цит. по Хюбнер К. Нация. М: Канон, 2001. С. 248*).

относится к числу базовых коллективных прав, все же в реальности это результат политического действия, а не права⁹. Современная политическая нация существует в форме политического действия, а не как некое субстанциональное качество.

5. Внешний аспект национализма резюмирует, в частности, определение нации, данное Вебером: «Если вообще целесообразно квалифицировать национальный дух как некоторое специфическое единство, то оно может быть усмотрено только в стремлении к собственному государству, и тогда следует отдать себе отчет в том, что тем самым связываются воедино достаточно различные по происхождению и форме выражения ощущения общности»¹⁰.

⁹ «То «само», которое в процессе реализации права на самоопределение самоопределяется, не может быть ... рассмотрено в качестве бытия, конституированного кем-то. Это самоконституирующее бытие, санкционируемое [корректурa моя, в переводе стоит «санкционированное» — В. К.] правом на самоопределение. Поэтому ответ на вопрос «что такое народ?» находится — и это с характером правовой обязательности — вне компетенций третьих инстанций, а факт существования народа является результатом не когнитивных операций, а политического процесса» (*Люббе Г.* Что такое народ? // Политическая философия в Германии. М. Современные тетради, 2005. С. 107).

¹⁰ *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik. Tübingen, 1924. S. Цит. по *Хюбнер К.* Нация. М: Канон, 2001. С. 249.

6. Внутренний политический аспект современного национализма выражается понятием национального суверенитета, увязанном, но не сводящимся к внешнему его проявлению. Современный внутренний политический смысл понятия нации состоит в том, что субъектом политического действия являются все граждане самостоятельного государства, т.е. *сувереном является нация равноправных граждан*. Принцип гражданского равенства членов нации был нацелен на снятие дезинтегрирующих различий разного рода (начиная с сословных и религиозных). Понятие политической нации, помимо прочего, предполагает, что речь идет о сообществе, способном определять свою собственную судьбу. Необходимым условием этого — а именно, возможности реализации функций управления — является внешне независимое государство, обладающие локальной территорией¹¹. Внутренняя политическая реальность нации состоит в этой идее самоуправления, которая и получает выражение в политико-правовой форме демократии. В этом состоит смысл национальной легитимации политической власти. Почему понятие демократия и универсально-правовым образом понимаемое гражданство является неотъемлемым признаком современной политической нации? Современный

¹¹ Ср. *Хабермас Ю.* Постнациональная констелляция и будущее демократии // Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 276.

национализм рождается как политическое послание, обращенного к народу в целом, а не к «нации» в смысле более или менее широкой привилегированной группы (что характерно именно для до-современного понятия «нации»¹²). Демократия, которую считали худшей или одной из наихудших форм правления политическое теоретики от Платона до Канта, именно потому и востребована современным государством, что она дает выражение современному политическому понятию нации в ее внутреннем аспекте (тем самым еще ничего не сказано о самой форме демократии¹³). Однако фиксировать это равенство (если, конечно, не анализировать форму носа и не требовать перекреститься тремя перстами при входе на избирательный участок) могут лишь всеобщие правовые определения, исчерпывающиеся понятием гражданства и форм гражданской солидарности, а не этнической идентификации или самоидентификации. О том, насколько подвижной является этническая самоидентификация, дает представление необычайно интенсивное сокращение числа русских в

¹² Сейчас же — для государств, полагающих свой суверенитет гарантированным внешним образом (проблема «неграждан» Латвии и Эстонии).

¹³ Если речь идет о диспропорциях этнической репрезентированности, которые могут служить источником дискриминации (а этот аргумент, безусловно, заслуживает внимания), то это вопрос может быть поставлен и решен как вопрос отладки механизмов демократической репрезентации.

постсоветской Украине¹⁴. Даже с поправкой на возможные подтасовки, несомненным остается быстрый и масштабный процесс смены самоидентификации. В этом смысле политическую правду нынешнего националистического дискурса в России можно принять, на мой взгляд, как превращенную форму критики отсутствия демократической формы политической жизни: рьяными русскими националистами бывают и этнически не-русские. Разумеется, печальная семантическая участь понятия «демократия» в постсоветской России до известной степени объясняют обращение к ресурсам именно националистического дискурса.

7. Идентичность, формируемая внешним и внутренним аспектом политического национализма, отличается от культурных, социо-культурных, социально-психологических и т. д. аспектов национальной идентичности. Став гражданином другой страны, «соотечественник» становится политическим агентом другой политической нации, даже если сохраняет все атрибуты культурно, социально или натуралистически трактуемой идентичности. В пределе этот факт может быть установлен строго эмпирически — через прицел на поле сражения. К

¹⁴ См. *Малахова К.* Сколько русских в Украине? [<http://antropotok.archipelag.ru/text/a192.htm>]

выборам в РФ иностранцы не допускаются, даже если они — русские.

8. Нормально проводить различие между государствообразующей нацией¹⁵ и культурными субнациями (термин Курта Хюбнера). Однако государствообразующая нация в том случае, если она претендует на то, что формировать государство, включающее в себя субнации, также должна проводить различие между исторически учреждаемой ей политической культурой политической нации и собственной экстра-политической культурой (идентифицироваться с которой, в частности, могут относящие себя к русским граждане других государств, не вступая тем самым в конфликт со своей гражданской лояльностью). Если в нашем случае первое называть «российской нацией», а второе «русским народом», — то это, мне кажется, соответствует сложившемуся словоупотреблению (конституционная формула «многонациональный народ» является, на мой взгляд, *лексически* неудачной). Если вся фишка современного русского национализма состоит в том, чтобы первую называть «русской нацией», то ограничусь, по крайней мере, одним замечанием. Речь идет не о словах, а о

¹⁵ Выражаясь на дореволюционный манер, можно сказать, что речь идет о народе, являющимся носителем государственности. Великороссы подразумевали под этим самодержавие.

функциях: называйте, как хотите, но различие между ними проводить придется. Кстати, формальное равноправие государствообразующей нации и культурных субнаций по отношению к универсальной политической культуре нации, по факту, конечно, не соблюдается — политическая история неотделима от насилия.

9. Государствообразующая нация тем увереннее сохранит свои культурные особенности во всеобщей политической культуре современного национального государства, чем полнее в этой общей политической культуре будет задействован ее *универсальный* культурный потенциал, на основании которого и осуществляется политическая интеграция субнаций в единую политическую нацию¹⁶. В силу того, что современное, национально-суверенное государство ««настроено» на правовое государство» (Ю. Хабермас) разумно предположить, что для государствообразующей нации лучше всего подходит роль носителя правовой идеи и гаранта ее реализации.
10. Политическая солидарность современного государства не исчерпывается только формальными (конституционными)

¹⁶ О том, что такие ресурсы у русской культуры есть, см. хрестоматийную речь Достоевского. Но использование универсального потенциала национальной культуры, на мой взгляд, не тождественно и даже прямо-таки противоположно приданию универсальной значимости партикулярным (в частности, этническим) интересам, как о том пишет, насколько я понимаю, М. Ремизов.

правами, но требует эмоциональной и символического интеграции, соответствующей современным способам конституирования «воображаемых сообществ»¹⁷. Однако в современном массовом медийном и информационном пространстве интеллектуалы в этой роли неадекватны, а в силу простоты востребованных для этого символов — избыточны. Здесь как нельзя к месту одиозная формула П. А. Ширинского-Шихматова.: «Польза сомнительна, а вред возможен». Символы, подпитывающие субъективное самоощущение национальной принадлежности, просты — в этом и заключается их эффективность.

11. Политический национализм формирует государство как целое, в пределах которого разворачивается собственно политическая жизнь — борьба *разных* политических позиций. Если же кто-то претендует на, так сказать, национальную исключительность своей политической позиции, то ему всегда можно ответить словами Бисмарка, адресованными им либералам на одном из заседаний Рейхстага в 1873 году: «Мы все относимся к народу, и у меня есть такие же народные права, как и у его величества

¹⁷ Эти сообщества являются, несомненно, воображаемыми — просто потому, что не даны нам в опыте. Но в этом нация мало чем отличается от большинства наших представлений о мире. Например, львиная доля наших космологических представлений являются воображаемыми: если бы мы опирались на опыт в этом вопросе, то были бы по большей по большей части сторонниками Аристотеля.

кайзера... Я заявляю протест против монополизации права выступать от имени народа и при этом исключать меня из народа!» «Конкретно всеобщим», о котором пишет Б. Капустин, является не одна из политических программ, выступающих от имени общего национального интереса (пусть даже сколь угодно привлекательная), а все политическое многообразие нации, находящейся в состоянии политического состязания и борьбы. В этом внутривнутриполитическом смысле нация — это среда и условие политики, а не некий известный политический результат.

12. Существуют такие ситуации для внешней и внутренней судьбы государства, когда борьба разных политических интерпретаций смысла национального блага должна быть временно прекращена, поскольку речь идет о критическом для политической жизни нации положении. Такое право Джон Локк называл *прерогативой* исполнительной власти. Прерогатива, напомню, вытекает из того, что «благо общества требует, чтобы некоторые вещи были предоставлены благоразумию того, кто обладает исполнительной властью». Но она, продолжает Локк, «не может представлять собой что-либо иное, кроме как разрешение со стороны народа его правителям делать некоторые вещи по их собственному свободному выбору, когда закон молчит, а иногда также и

поступать вопреки букве закона ради общественного блага; и народ соглашается с этим, когда это сделано»¹⁸. Использование прерогативы, однако, допустимо лишь как исключительное, временное и ограниченное средство, целью которого является нормализация политической жизни.

Специально в отношении современной России ограничимся следующими тезисами:

1. Русская нация не имела исторического опыта создания и жизни в рамках европейской модели национального государства. Стремление к созданию такового, выдвигаемое как очевидный политический императив, есть слепое подражание абстрактному образцу.
2. Россия давно состоялась и как культурная, и как политическая нация. Если это кем-то не осознается внутри страны, то можно поинтересоваться об этом за ее пределами. И русское оружие, и русская культура известны и признаны всем миром, но только некоторыми «русскими националистами». В эпитафии к моей первой реплике были не случайно приведены слова Вл.

¹⁸ Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч. в 3-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 356, 359.

Соловьева: «Национальный вопрос в России есть вопрос не о существовании, а о достойном существовании».

3. Несущим политическим каркасом современной российской государственности считаю ее конституцию. У руководства страны хватает пока благоразумия придерживаться (на момент написания этой статьи) такой же позиции¹⁹. По большинству вопросов политической жизни России лишь конституция представляет собой единственный *стабильный* адресат, к которому можно апеллировать как к политическому авторитету. Те, кто провозглашает себя русскими националистами, по большей части разворачивают свой дискурс в антиконституционной плоскости. Реализация содержащихся в нем установок будет означать открытие ящика Пандоры и прекращение существования России как государства, по меньшей мере, в ее нынешней территориальной форме. Таким образом, дискурс «русского национализма» в основных его проявлениях я считаю антинациональным по своему политическому характеру. Вопрос по поводу Конституции в настоящее время политически реалистично формулировать не в форме: «А не придумать ли нам что-нибудь получше?» — а в форме: «Как

¹⁹ При том, что компания в пользу нарушения конституции в своей истеричности уже перешла всякие границы.

обеспечить функциональность ее ключевых положений?» Мании совершенствования нет предела, но называется она маниловщиной.

3.1. Идея «конституционного патриотизма» в российском интеллектуальном сообществе, отличающимся давно диагностированным правовым нигилизмом, равно как и сорочьей падкостью на *эстетически смачное суждение*, как и следовало ожидать, не имеет шансов на успех в среде культур-предпринимателей. Исторически проблема усугубляется тем, что, признавая конституционную конструкцию в качестве национально-политического фундамента, придется также признать пусть и формальную, но при этом все же принципиальную роль советского периода для современной России: ее первая конституция была принята V Всероссийским Съездом Советов 10 июля 1918 года как Конституция РСФСР²⁰. Тем не менее, именно конституционная идея представляется мне единственной, отвечающей требованиям политического реализма. Однако в связи с «конституционным патриотизмом» Ю. Хабермаса

²⁰ Единственным дореволюционным аналогом являются «Основные государственные законы», принятые в 1906 году во исполнение обещания, данного императором в манифесте 17 октября 1905 г.

необходимо сделать ряд существенных оговорок. Во-первых, следует отдавать себе отчет в том, что ситуация Германии и России диаметрально противоположны в отношении причин, которые, тем не менее, побуждают поставить конституцию в центр национального вопроса. Современная Россия является страной, границы которой *шире* ее русского этнического контура (что не исключает наличия анклавов русского этноса, существующих и за ее пределами), тогда как Германия даже в своей объединенной форме, напротив, не покрывает множество территорий, которые потенциально могли бы быть в нее входить по этнокультурным соображениям (полностью решить эту задачу не смог даже Гитлер). Таким образом, по отношению к Германии идея «конституционного патриотизма» выполняет ограничительную функцию²¹, тогда как применительно к России — ровно противоположную. Во-вторых, конституция не является вдохновляющим эмоциональным символом (особым народным ликованием День конституции в России не отличается). Поэтому было бы уместнее говорить о политической идее «конституционной нации» (hardware),

²¹ См. Хабермас Ю. Границы неисторизма. Беседа с Жаном-Жаком Ферри // Политические работы. С. 140.

тогда как патриотизм, адресующийся к памяти и эмоциям, относится, скорее, к культурному (software), а не к собственно политическому аспекту проблемы.

4. Здоровой национальной политической задачей обозримого будущего можно считать, по этой причине, реализацию правового порядка в рамках действующей конституции российского государства. Речь идет о демократизации политического процесса, нормализации федеративных отношений, реализации декларируемых гражданских свобод и обеспечении условий для выполнения гражданских обязанностей, а также, в частности, о выполнении государством конституционно взятых на себя социальных обязательств. Напомню, что и федерализм, и «социальное государство», о которых сочувственно пишет Б. Капустин, — это конституционные нормы российского государства. Тем самым не сказано, что действующая конституция является идеальной, но лишь то, что ее выполнение — это необходимый минимум.
5. Нельзя закрывать глаза на проблемы, связанные с положением этнически русских граждан России (равно как граждан любых других этносов). Однако решение этих проблем может состоять в создании условий для реализации правовых норм, а

не, например, в этнической дискриминации.²² Если государствообразующая русская нация настолько не уверена в себе, что не способна принять на себя цивилизационного ограничения, например, в вопросе об отделении государства от церкви (а все такого рода ограничения мыслимы лишь в форме правовой нормы), то каким образом та политическая культура, блюстительницей которой она могла бы себя считать, может претендовать на лидерство в сравнении с теми

²² Возьмем простой пример армейского «землячества» (армия — это зеркало общества). Допустим, речь идет о дискриминации солдат по этническому признаку со стороны группы военнослужащих «с Кавказа». Эту проблему можно решать двояким образом: переселить всех угнетаемых в штаб, или же создать условия для реализации тех принципов, которые заложены в нормах воинской службы, т.е. реализовав принципы равенства в выполнении соответствующих обязанностей и прав всех военнослужащих (не останавливаясь перед самыми жесткими мерами наказания, предусмотренными за не соблюдение соответствующих норм). Третьим вариантом является создание неустойчивого силового равновесия в самой казарме или же обратное дискриминационное отношение. Первый и третий вариант я считаю провальными (но именно такие варианты, *mutatis mutandis*, и предлагают те, кто обычно аттестует себя в качестве русских националистов). Армия является важнейшим институтом формирования нации, а в особенности же — модернизации поведения субъектов, впервые спустившихся с гор. Если она не решает эту задачу по второму варианту, то она не решает ее вовсе. Потому что даже если устранить «кавказцев», это мало что изменит: «омские» будут таким же образом чморить «краснодарских» (или наоборот).

соотечественниками, которые, оказавшись они у кормила власти, были бы не прочь повсеместно ввести законы шариата? Рискну, однако, предположить, что это не проблема русской нации, а личная проблема некоторых «русских националистов».

6. Современная политическая релевантность национализма состоит в идее демократизации политического процесса. Но актуализация русского национализма в том виде, как я ее наблюдаю, ведет, главным образом, к укреплению сформировавшейся в России системы власти в ее складывающейся *деполитизированной* и *атидемократической* форме. Более того, эта система прямо заинтересована в том, чтобы запускать различные «националистические» проекты, «позитивные» эффекты которых в любой момент этой системой могут быть присвоены, а негативные отброшены (путем отнесения их, например, к категории «фашизма»). Напомню, как происходит указанное присвоение. На протяжении 2005-2006 гг. усилиями, главным образом, центральных телеканалов, на которых постоянно присутствовала тема «преступлений на почве национальной розни» и т.д., был создан благоприятный и, видимо, несколько отличающийся от ожидаемого фон для восприятия конфликта, возникшего осенью 2006 г. в Кондопоге. Резонанс по поводу

карельских событий (они стали единственным крупным медийным событием, хотя, конечно, фактически такого рода события случаются намного чаще) показал, что в сфере межэтнических отношений существует ресурс политической привлекательности («мобилизационный» ресурс), который не вполне контролирует действующая система контроля политической жизни. Реакция последовала незамедлительно: президент заявил о проблемах «коренного населения», вслед за этим последовал ряд действий по ужесточению миграционной политики, наконец, Единая Россия объявила о запуске «Русского проекта». Система, таким образом, моментально сняла все «мобилизационные» дивиденды с «русского вопроса». Чтобы пояснить, о чем речь, следует в самых общих чертах описать характер сложившегося в России политического или, точнее, деполитизированного административного строя. По сути, он представляет собой структуру, в которой властные отношения замкнуты на аппарат исполнительной (административной) власти, которая решает задачи управления, а не исполнения. При этом более уместно говорить не о прерогативе Локка, а в терминах политической теории Карла Шмитта²³. Речь, таким образом, идет о

²³ См. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2006.

диктатуре, причем до конца не ясно, является ли она все еще комиссарской или уже суверенной (на мой взгляд, есть ряд оснований для того, чтобы считать ее *все еще* комиссарской диктатурой, т.е. диктатурой, цель которой состоит в создании *условий для того, чтобы конституция начала действовать*). И хотя для установления *комиссарской* диктатуры существовали, видимо, веские причины, в последнее время эта структура все больше переходит в режим собственного воспроизводства и укрепления, причем по отношению к ее системным характеристикам персональный состав играет вторичную роль²⁴. Некоторое «неудобство» заключается, однако, в том, что в политико-правовом отношении эта структура должна легитимировать себя посредством закрепленных Конституцией демократических электоральных процедур. И хотя в настоящее время сделано все возможное, чтобы этот процесс происходил максимально контролируемым образом (требование «массовости» партий, 7%-й барьер прохождения, отмена всех возможностей протестного голосования путем отмены нормы явки и графы «против всех»), нарастающая индифферентность

²⁴ Истерика по поводу третьего срока, наблюдаемая в настоящее время, объясняется тем, что за прошедшие годы система, включая ее управляемый партийный аппарат, фактически была отстроена, исходя из авторитета «первого лица». Но в этом проявляется не персональная, а функциональная роль В. Путина.

граждан к важному политическому ритуалу выборов не может не вызывать у политических «операторов» самого серьезного беспокойства. Прошедшие в 14 регионах страны выборы наглядно обнажили весь драматизм возникающей здесь проблемы. Само по себе показательно, что наиболее закрытой (и, добавим, сомнительной) стала информация о явке избирателей. Но даже официальные цифры не могут не обескураживать: согласно усредненным показателям общая явка составила 39%, из которых 45% проголосовало за Единую Россию, т.е. 18% от общего числа избирателей. Вывод прост — происходит политическая делегитимизация сложившейся «управляемой демократии», что критическим образом ставит под вопрос запас прочности сложившейся системы. Именно эта проблема объясняет, на мой взгляд, расцвет разного рода проектов, одним из ключевых терминов которых является эвфемизм «мобилизация» (М. Ремизов определяет национализм как «стратегию мобилизации этничности, ее ресурсов, для построения современного общества»). Это не только националистические, но и, например, возрастные (молодежные) движения. Но национализм является все же основным ресурсом, который, во-первых, используется для перегруппировок в пределах контролируемой партийной системы (например, проект «Родины»), во-вторых, позволяет

привлекать электорат особого рода, который в рамках складывающейся партийной системы способен наращивать «электоральную массу», не создавая при этом особых политических проблем. Фактически речь идет об особой *аполитичной* версии национализма (если не путать эстетику и политику), которая легко поддается *политтехнологизации*. Ведь если исключить из политического поля содержательные аспекты политики как таковой (а это и есть наша ситуация), то именно «национальная мобилизация» может служить для того, чтобы сказать «да» фактически сложившейся властной системе (национализм как «супериодология» в терминологии С. Сергеева²⁵). Здесь возникает довольно любопытный эффект, который можно объяснить как следствие «холистской» интерпретации национализма. Национализм может формулироваться как некий риторически и эстетически энергичный дискурс, создавая иллюзию того, что это политическая программа. Но фактически он может представлять собой псевдо-политическую позицию, которая

²⁵ Происходит это именно потому, что, выражаясь словами С. Сергеева, национализм способен «вместить в себя любой социально-политический проект, лишь бы он способствовал силе и процветанию нации». При этом, правда, забывается, что в пределах самой нации существуют *разные* точки зрения на то, в чем именно состоит «сила и процветание» нации, а это, собственно, и есть вопрос политический.

выступает «за все хорошее» и «против всего плохого» для нации. В такой форме он образует своеобразную взаимодополнительную симфонию с пресловутой концепцией «суверенной демократии» — она за «свободу», «процветание» и т.д. (все в шоколаде), но непонятно только одно: какое конкретное социальное и политическое содержание имеет эта «свобода», «демократия» и т.д., а главное — какими именно средствами все это хорошее будет реализовываться. В этом своем качестве национализм является всего лишь «подтанцовкой», которая создает видимость политики при полной отсутствии таковой. Наугад привожу слова одного из записных националистов: «В сфере идеологии никаких живых альтернативных позиций, кроме разных версий русского национализма сегодня уже нет»²⁶. Таким образом, очевидная деградация политической жизни в современной России оказывается прямо-таки апофеозом «русского национализма», что, собственно, лишь подтверждает все вышесказанное. Приведенное суждение, разумеется, является неверным, но оно показательно как пример того, каким образом «политический» (якобы) национализм конформистски вписывает себя в деполитизированную конструкцию власти современной России.

²⁶ Холмогоров Е. Вкус к Родине [<http://specnaz.ru/article/?1046>].

7. Структура власти в современной России может объяснить мотивы актуализации националистического дискурса в той мере, в какой «распространение категории нации и феномена национализма способствует не сила национального государства, а разрыв между народом и государством»²⁷. В этом своем качестве он улавливает размытое социальное настроение, и в этом можно было бы допустить его правоту и резон политической прагматики. Но, на мой взгляд, в наблюдаемых формах он вводит в заблуждение указанное настроение, поскольку подразумевает нечто обратное. Имея дело с прерогативным режимом функционирования власти (или с комиссарской диктатурой), националисты выступают не как блюстители демократической идеи нации, а как катализаторы, подталкивающие систему к переходу в режим суверенной диктатуры. Очевидно, что для ответа на вопрос о «приоритетных интересах русского этноса», о которых пишет М. Ремизов, необходим политический процесс как условие возможности для обсуждения вопроса о том, какова хотя бы малейшая тень конкретного их содержания. Однако наблюдаемые производители националистической активности, насколько я могу судить, исходят из того, что они *это уже*

²⁷ Крейг Калхун со ссылкой на Дюркгейма: *Калхун К.* Национализм. М.: Территория будущего. Пер. с англ. А. Смирнова. С. 160.

знают, но лишь не имеют доступа к властным рычагам реализации этих интересов. Вопрос, таким образом, переводится из плоскости демократизации власти в плоскость доступа власти при сохранении и даже ужесточении диктатуры (идея новой конституции — объективный политических признак перехода диктатуры в суверенный режим). К сожалению, этот эффект может возникать даже в русле вполне невинных и, казалось бы, демократических по духу рассуждений (тем самым я лишний раз нахожу подтверждение тому, что этим инструментом лучше не пользоваться). Этот же пример возвращает нас к положению § 1.

7.1. Несмотря на утверждение Б. Капустина: «теоретически продуктивным я вижу обсуждение вопроса о том, как трансформировать русских в демократически обустроенную нацию», — выбранная им аргументация является, на мой взгляд, имеет антидемократические импликации (в контексте нынешней российской ситуации). Свой исторический экскурс он резюмирует следующим образом: «на *практике* «народ» как общий политический принцип Современности выступал прежде всего в виде нации, т.е. в виде особенного». Если я правильно понимаю, речь, по сути, идет о том, что из «массы», «мультируды» или, иначе говоря, «народа» выделяется группа,

репрезентирующая «общее благо» и называемая здесь «нацией». Сравним содержание этого тезиса с известным рассуждением Виталия Найшуля о проблеме «перевода» американской конституции и ее «неправильном» калькировании в российском основном законе: Она <американская конституция — В. К.> начинается словами: «We, the people of the United States...», что обычно переводится на русский язык как: «Мы, народ Соединенных Штатов...». Читаем и недоумеваем: как при тогдашних средствах коммуникации мог народ, разбросанный по отдаленным фермам на огромной территории, собраться и учредить столь совершенное управление? А на самом деле в тексте конституции употреблено слово «people», точным эквивалентом которого в русском является вовсе не «народ», а «люди»! Сравните оттенки смысла, на которые указывает Даль: «народ» — люди вообще; обыватели государства; чернь, простолюдье; низшие податные сословия. А вот как в его словаре трактуется слово «люди» — народ; общество; мир — в том именно смысле, в каком последний в этом синонимическом ряду вариант употребил Толстой в названии своего романа. В современном языке оно употребляется, например, в выражении «что люди

скажут», то есть понятно, что не все люди, а те, чье мнение важно. Таким образом, начало текста уже нашей Конституции должно звучать так: «Мы, русские люди, учредили» и так далее. При этом понятно, что в процессе участвовали не все, а только самые ответственные, авторитетные люди, выражающие взгляды нации. Элита, если угодно. А на советский канцелярит было бы правильнее перевести начало американской конституции так: «Мы, номенклатура Соединенных Штатов...»²⁸. Если теперь перевести приведенное суждение Б. Капустина на язык В. Найшуля, то мы получим следующий тезис: «на практике «народ» как общий политический принцип Современности выступал прежде всего в виде *людей*, т.е. в виде особенного». Не знаю, входило ли в намерение Б. Капустина лишний раз подтвердить правоту именно такой политической трактовки национализма, или же это непреднамеренный эффект выбранного примера. Однако определенно можно сказать, что в контексте сегодняшней российской политической жизни эта позиция также работает на воспроизводство системы власти, описанной выше. Ее можно обозначить как *клубную форму*

²⁸ Этот аргумент приводится В. Найшулем в самых разных вариантах. В данном случае см: [<http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=1647>].

приватизации национального, поскольку речь идет, по сути, идет о том, что из среды «народа» (или, пользуясь приведенной цитатой из В. Найшуля «людей вообще; обывателей государства; черни, простолюдья; низшего податного сословия») выделяется особая группа — «нация» (или «люди»), способные нести бремя господства. Эта группа, таким образом, и есть то «особенное», в котором, в таком случае, и выражается «общее». Но если придать этому практический политический смысл, то речь идет об обратном, а именно — об «особенном», которое представляет себя в форме общего. Вопрос о том, насколько хорошо или плохо такой подход к политике, отставим здесь в стороне. Достаточно заметить, что эта форма приватизации национального не особенно нуждается в том, чтобы аргументировать в ее пользу. Хотя бы потому, что, 1) именно такая схема политического управления существовала в период президентства Б. Ельцина, 2) она сохранилась и укрепилась в период президентства В. Путина. Иными словами, за такую «особую» конструкцию «национальной» власти агитировать уже поздно, она и без того состоялась. В рамках этой конструкции изменяются лишь конкретные группы «людей», тогда как сам принцип остается

неизменным. Эта конструкция, устраивающая в первую очередь «людей», находящихся у власти, тем не менее, поддерживается и теми, кто выступает их оппонентами. Она в разных формах и на все лады прослеживается у интеллектуальной обслуги власти, чему можно привести великое множество примеров. Но, парадоксальным образом, также и у ее оппонентов.